

Прозрачность против конкуренции

ИГОРЬ ПАНШЕНСКИЙ

партнер Antitrust Advisory

В последние годы без излишнего шума под эгидой российского государства происходит формирование огромных массивов данных в отношении движения различных товаров по так называемой товаропроводящей цепи – от производителя до потребителя. Речь идет, в частности, о ЕГАИС, фискальных данных и – в самое последнее время – правилах маркировки отдельных, но все более многочисленных категорий товаров и создании информационной системы мониторинга (ИСМ). Нельзя сказать, что создание таких систем данных не было вообще предметом общественных обсуждений, но они были в основном отраслевыми, техническими. Из них практически полностью выпал важный аспект, имеющий отношение к их возможному влиянию на развитие конкуренции в России.

Такие системы охватывают практически все данные, связанные с оборотом различных категорий товаров, включая объемы продаж и цены с разбивкой на учетные единицы и торговых операторов. С юридической точки зрения «обладатели» таких данных – владельцы товаров, продающие их на рынке. Но если эти данные актуальны, они имеют большую ценность для иных участников рынка, включая производителей товаров и их конкурентов – для них их ценность в конкурентной борьбе может быть даже больше, чем для иных участников оборота. Это связано с тем, что в условиях современных рынков модель бизнеса большинства производителей предполагает их существенную вовлеченность в движение их товаров по всей товаропроводящей цепи вплоть до потребителей. Ведь именно на розничном рынке в значительной

мере решается исход конкурентной борьбы между производителями, в то время как ритейлеры в известной мере лишь посредники в этой борьбе.

По этой причине производители получают или покупают данные о продаже своих товаров у крупных ритейлеров. По этой же причине они пытаются получить, в пределах своего понимания дозволенного, информацию о продажах товаров конкурентов. Это позволяет производителям определить достаточно точно (с учетом информации из иных источников, в том числе публичных) стратегию и тактику конкурентов и их эффективность, а значит, и принять необходимые ответные меры для нейтрализации стратегии конкурентов, что в конечном счете может привести к ослаблению конкуренции и даже полному отказу от нее на рынке.

До сих пор никто в России не пытался оценить возможный эффект полной прозрачности этих данных для конкуренции на тех или иных рынках. Полагаю, что для некоторых рынков – прежде всего для достаточно конкурентных, характеризующихся высоким уровнем концентрации при отсутствии монополии – такой эффект может быть катастрофическим. При этом сам факт накопления этих данных в единой системе, такой как ИСМ, потенциально чреват утечкой или организованным «выплеском» данных на рынок. Учитывая их ценность для участников рынка и возможность заработать на их продаже в том или ином виде (например, в виде услуг по обработке данных), а также тот факт, что операторами таких систем данных (кроме ЕГАИС) являются частные компании, этого нельзя исключить – если, конечно, государством не будут при-

няты нормативные меры, исключающие такую возможность.

Сейчас все государственные системы сбора и хранения данных в России так или иначе предполагают признание права «первичных» обладателей данных (по сути, собственников товаров) на обеспечение их конфиденциальности. И это при том, что по крайней мере применительно к ИСМ и ЕГАИС государство прямо признано обладателем содержащихся в них данных. Такой дуализм прав на данные сопряжен с определенными проблемами. Остановлюсь на одной из них.

Защита прав первичных обладателей данных предполагает запрет на их передачу третьим лицам (кроме конкретных госорганов) без их со-

только прямо предусмотрена в законе, но и не сопряжена с какими-либо ограничениями для получателей. То есть получатели могут эти данные передавать кому угодно, продавать, публиковать, лишая их всякой коммерческой ценности для первичных обладателей.

На мой взгляд, эта коллизия устранимая, если предположить, что режим конфиденциальности распространяется на любых получателей данных из ИСМ. Порядок предоставления данных о движении товаров их производителям должен быть утвержден постановлением правительства, которое пока не принято. Чтобы устранить эту коллизию, это постановление должно прямо обязать производителей обеспечивать конфиденциальность получаемых

не являются. Очевидно, что это ставит их в неравное конкурентное положение на розничном рынке. Обоснованно ли это?

Этот пример иллюстрирует более общую проблему, связанную с созданием ИСМ и иных систем мегаданных. Причина ее в том, что, хотя такие системы создаются в определенных заявленных публичных целях (в частности, фискальных, но не только – например, ст. 8 Закона о торговле относит к ним охрану жизни и здоровья человека, общественной морали и правопорядка, окружающей среды и даже безопасности государства), формируемые благодаря им массивы данных представляют большую коммерческую ценность для участников рынка, становясь точкой преломления ан-

До сих пор никто в России не пытался оценить возможный эффект полной прозрачности данных (о движении товаров) для конкуренции на рынках

гласия. При этом есть одно важное исключение, предусмотренное в новой статье 20.1 Закона о торговле в отношении ИСМ. Оно предусматривает право производителей подлежащих маркировке товаров на получение из ИСМ данных об обороте произведенных ими товаров, причем бесплатно и без каких-либо явных ограничений в отношении использования и дальнейшей передачи этих данных. Иначе говоря, признается право производителей на доступ к данным об операциях с произведенными ими товарами после их отчуждения, т. е. в отношении товаров, принадлежащих иным лицам.

Не нужно быть специалистом, чтобы заметить, что такое право производителей не очень вяжется с правом иных первичных обладателей данных на обеспечение конфиденциальности последних. Суть конфиденциальности заключается в праве запрещать передачу данных третьим лицам и требовать сохранения их в тайне лицами, получившими доступ к ним, с тем чтобы обеспечить их коммерческую ценность. А в данном случае такая передача данных третьим лицам (производителям) не

ими из ИСМ данных в отношении товаров, принадлежащих иным участникам рынка. Такое условие вполне соответствует ст. 20.1 Закона о торговле, которая лишь гарантирует безвозмездность получения данных, но не отсутствие иных ограничений, если они необходимы для защиты прав и законных интересов иных участников оборота.

Однако это решит лишь одну проблему защиты прав первичных обладателей данных, но не остальные проблемы, связанные с защитой конкуренции на рынках.

Приведу один пример. Несмотря на сказанное выше, на практике производители могут быть прямыми конкурентами иных участников рынка, данные которых они будут получать из ИСМ. Например, если у производителя есть собственные магазины или он продает свои товары в интернете, он конкурирует с ритейлерами, продающими такие же товары. При этом производитель будет получать данные о продажах своих товаров конкурентами – ритейлерами, а ритейлеры при этом не будут получать данных о продажах производителя, поскольку они производителями

тагонистичных частных интересов, и несут в себе существенный антиконкурентный потенциал в случае их раскрытия.

Поэтому, на мой взгляд, необходима разработка с участием ФАС и нормативное закрепление продуктивной государственной политики в отношении доступа к данным об обороте товаров с учетом всех упомянутых мной факторов. Такая политика не может быть нацелена лишь на защиту прав частных владельцев данных, так как их интересы не являются публичными и не могут сами по себе гарантировать достижение публичных целей, включая защиту конкуренции. Например, они могут отказаться от конфиденциальности по тем или иным причинам, не осознавая последствий этого для конкуренции, или не придавая им значения, или даже не отдавая себе отчета в самом факте отказа, если он дается ими в форме согласия с пакетными условиями приобретения продукта, например кассового оборудования.

Полная версия статьи:
www.vedomosti.ru

Детям надо в школу

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН

руководитель отдела
социокультурных исследований
«Левада-центра»

Не найти института более всеохватного, чем школа. То, что у нас почти все дети ходят в школу, – норма, которую никто не ставит под сомнение. Нам кажется – давным-давно, а исторически совсем недавно в наше общество проникла одна из главных модернизационных идей: что дети должны жить лучше, чем родители, и главное, что нужно для этого, – учиться. Прохождение через ступенчатую систему образования стало и остается главным средством вертикальной мобильности в нашем обществе.

Но принадлежность школы и школьного образования к числу вещей, которых не может не быть, превращают ее в один из самых косных институтов. Видя это, школу непрерывно пытаются реформировать. Однако большинство реформ лишь делают жизнь учителей все тяжелее, но социальной сути нашей школы изменить не могут, ведь она была в нее заложена тогда, когда школа начала превращаться в массовую. А социальная суть такая: государство в лице государственного школьного (иногда еще до-

школьного) учреждения забирает у (или получает от) общества детей, которых общество в лице семьи, как могло, воспитало под себя. В школе же государство, как может, перевоспитывает их под себя. Недоделанное школой доделывали профтехучилищем, армией и зоной. Перевоспитываемые брали реванш в виде подростковых компаний в подъездах: какие – с неразрешенной музыкой, какие – с неразрешенным оружием.

Это был контекст для массовой школы. Но в любом обществе, в том числе и в нашем, на всех его уровнях от столиц до малых городов существуют элиты, элитки, элиточки. Они хотят для своих детей немассовых школ и их так или иначе создают. Социсследования показывали, что в любом поселке, где есть хотя бы три школы, одна будет называться «хорошей» и туда будут стягиваться все ресурсы. Вторая будет просто школой, а третья будет для тех, кто не может

или не хочет учиться (и учить). Попытки реформаторов сломать эту систему ее только укрепили. Дело же не в школе – так устроен наш социум.

Слава нашим хорошим школам! Но судьба лучших школ счастливая только до поры. В одном довольно крупном городе его глава закрыл такую гимназию: зачем она нам, если все ее выпускники

что школа все равно ступенька вверх, в обществе ее репутация как института остается высокой. Школа, за которой стоит и государство, и общество, – мощный институт. За минувшее двадцатилетие школа превратила детсад в собственный приготовительный класс, а большинство слабых вузов – в продолжение школы. Наша школа, как и наше общество в

Наша школа, как и наше общество в целом, думает, что мы идем «своим путем». Это помогает не замечать наше отставание

от нас уезжают? В другом городе – еще крупнее – начальник образования слил «хорошие» школы с простыми или прямо плохими. Его объяснения привести не будем.

Нынешней школе ставят в пример советскую. Ее у нас считают лучшей в мире. Но в силу того,

целом, думает, что мы идем «своим путем». Это помогает не замечать наше отставание. Но все же, пока идея, что детям надо в школу, сохраняется как непреложная норма, у нашего общества есть надежда не пропасть в современном и будущем мире.